

П.Н. Петров

Петр Великий,

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Петров**
Петр Великий, / П.Н. Петров – М.: Книга по Требованию, 2014. – 162 с.

ISBN 978-5-517-82733-3

последний царь московский и первый император всероссийский. (1672-1725)

ISBN 978-5-517-82733-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

черноокая, съ челомъ возвышеннымъ и пріятною улыбкою на устахъ, плѣняла звонкою сладостною рѣчью и прелестью въ поступкахъ». Не смотря, однако, на совмѣщеніе этихъ прелестей, цѣннымихъ высоко царственнымъ супругомъ, безъ доноса, какъ мы видѣли, все же не обошлось со стороны честолюбцевъ, завистниковъ силъ Матвѣева, каковы напр. Милославскіе, да партія Хитрово, Соковнины и проч. Шахиревъ, очень можетъ быть и наученъ былъ и увѣренъ въ успѣхъ,—если еще не подставное лицо, выдержавшее опалу и наказаніе, не выдавъ покрывателей, конечно, не безкорыстно, а въ чаяніи великихъ и богатыхъ милостей. Не успѣхъ тоже не обезкуражилъ партію, которой досада увеличилась еще съ возвышеніемъ ненавистнаго ей «Артемюшки, вѣдуна всякихъ травныхъ земій»,—какъ названъ Матвѣевъ въ доносѣ. Царь, при бракѣ съ Нарышкиною, своего невольнаго свата, какъ человекъ безвинно обносимаго, пожаловалъ въ думные дворяне, вмѣстѣ съ отцомъ невѣсты. Не забылъ Государь, впрочемъ долго, подстроенныхъ противъ нея козней и при случаѣ напомнилъ, или далъ понять, что ему многое извѣстно, приказавъ представить на сценѣ «Исторію Эсфири», гдѣ Аманъ съ его интригами, конечно, намекалъ на Хитрово съ братіею. Приказъ *поставить и играть* эту пьесу данъ царемъ Алексѣемъ, какъ извѣстно, на радостяхъ рожденія царицею Натальею Кириловною перваго сына; черезъ 16 мѣсяцевъ послѣ брака.

Сынъ этотъ былъ—Петръ Великій, рожденіе котораго послѣдовало въ *четвергъ, въ первомъ часу пополудни, на 30-е мая*—день празднованія Памяти св. Исаакія Далматскаго—1672 года.

Рано утромъ, колокольный звонъ по всей Москвѣ разнесъ вѣсть о радости Государя-отца, въ пять часовъ утра уже пришедшаго въ Успенскій соборъ на молебствіе, совершенное новгородскимъ митрополитомъ Питиримомъ (избраннымъ затѣмъ, 5 іюли, въ патріархи). Послѣ благодаренія Богу за настоящее приращеніе своего семейства, государь пошелъ въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, ко гробамъ предковъ и родителей; какъ бы дѣлясь съ ними своей радостью. Затѣмъ, помолившись у мощей Алексѣя митрополита, въ Чудовомъ монастырѣ, и, приложившись къ иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, царь воротился во дворецъ и произвелъ въ *окольные* своего тестя К. П. Нарышкина и А. С. Матвѣева. Между тѣмъ, въ столовой палатѣ собрались бояре, *думные*, полковники и *стрѣльцкіе головы*. Съ нимъ вышелъ государь и, принявъ поздравленіе, велѣлъ угощать ихъ винами фряжскими, водкою и десертомъ изъ свѣжихъ плодовъ. Іюня 1-го былъ для бояръ и ближнихъ людей «безъ зову и безъ мѣсть», въ царицыной золотой палатѣ, обѣдъ, передъ которымъ закуску и гостинцы разносили гостямъ столъники царскіе, а во время стола угощали столъники царицы.

Въ день тезоименитства новорожденнаго царевича совершили надъ нимъ св. таинство крещенія (въ субботу, 29 іюня) въ Чудовомъ монастырѣ, въ трапезѣ церкви Алексѣя митрополита, передъ обѣднею. Братъ новорожденнаго, царевичъ Федоръ Алексѣевичъ (будущій преемникъ родителя на престолѣ), и бабушка,—тетка государя-родителя,—царевна Ирина Михайловна, воспріяли отъ купели нашего безсмертнаго Петра. На слѣдующій день царь давалъ въ грановитой палатѣ *родильный* столъ, а іюля 4-го — *крестильный*; угощая каждый разъ по 160 лицъ духовнаго чина и по 215 свѣтскихъ, отъ царицы

чей Касимовскаго и Сибирскаго до *выборныхъ* купеческихъ сотенъ и *дворцовыхъ* слободъ, включительно.

Исправивъ все, что требовалъ обычай при рожденіи царевича, составили попечительные родители штатъ лицъ, состоящихъ при высокомъ новорожденномъ, начавъ съ выбора кормилицы. Кормить грудью будущаго Великаго Петра назначена боярыня внигиія Неонила Героевъвна Львова.

Старшею мамою назначена боярыня Матрона Романовна Леонтьева, а *верховною боярынею*—бывшая въ этой же должности у покойнаго царевича Семена Алексѣевича,—вдова князя Ивана Васильевича Голицына, княгиня Ульяна Ивановна.

Стрешневы, родственники ея съ мужниной стороны,—назначены, впоследствии, дядьками ея царственнаго воспитанника; по всей вѣроятности, уже при Федорѣ Алексѣевичѣ. Изъ нихъ Тихонъ Никитичъ при Петрѣ I выказалъ замѣчательныя природныя способности; о Родіонѣ же Матвѣевичѣ, первомъ изъ дядекъ, мы должны довольствоваться показаніемъ современника (поляка—см. Сѣв. Арх. XVIII, 107), что былъ онъ *мужъ честный, умный и правдивый*. Этотъ престарѣлый воспитатель скончался, когда Петру I было только пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно, не могъ онъ на него имѣть уже вліянія въ годы быстраго развитія способностей, первоначальнымъ воспитаніемъ, можно сказать, почти нетронутыхъ. Что касается нравственныхъ принциповъ и честности убѣжденій, то понятіе о крѣпкомъ держаніи даннаго слова было, такъ сказать, присуще Петру I, впоследствии, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Къ тому же обладалъ Петръ, какъ извѣстно, рѣдкимъ безпристрастіемъ и любовью выслушивать всякія мнѣнія, какъ бы ни несприятны и, даже, противны ни были онѣ его собственнымъ рѣшеніямъ. Въ этихъ нравственныхъ, основныхъ, чертахъ могучаго характера Петра I нельзя не видѣть вліянія честнаго Стрешнева и, что еще болѣе вѣроятно, правилъ, нѣжно любившей будущаго великаго монарха и горячо любимой имъ самимъ—царицы матери, не смотря на ограниченность воспитанія, въ то время вообще и женскаго въ особенности, вездѣ проявлявшей замѣчательный умъ, вѣрный тактъ и прекрасное сердце. Живой темпераментъ сангвиника проявился въ дитяти Петрѣ I тоже рано. Адольфъ Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшій въ Москвѣ въ 1675 году съ посольствомъ Батони, въ донесеніи своемъ рассказываетъ, что, однажды, въ селѣ Коломенскомъ, царица тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ комнаты, сосѣдней съ заломъ пріема. Съ нею находился и трехлѣтній Петръ, который, наскучивъ чинностью церемоніи и желая разсмотрѣть лучше, что ли, посла, распахнулъ внезапно дверь въ аудіенцъ-залу и далъ членамъ посольства возможность замѣтить въ сосѣдней комнатѣ царицу московскую. Въ садахъ сперва Коломенскаго, а послѣ Преображенскаго, села проводилъ живой ребенокъ лѣтніе мѣсяцы первыхъ годовъ своего младенчества. Въ Преображенскомъ видѣлъ онъ, вѣроятно, первыя сценическія *дѣйства*, вводимыя только въ употребленіе царственнымъ его родителемъ, и эту мѣстность, выросши, избралъ, какъ извѣстно, своею любимою резиденціею въ Москвѣ. Такъ сильны, даже въ геніальныхъ людяхъ, привычки, укоренившіяся съ ранняго дѣтства. Причина постоянного житія маленькаго Петра съ матерью лѣтомъ въ Преображенскомъ,

а зимою въ Потѣшномъ дворцѣ, объясняется положеніемъ Натальи Бирюковны, во вдовствѣ.

Почти внезапно послѣ кратковременной болѣзни, имѣя только 47 лѣтъ, 30 января 1676 года скончался царь Алексѣй Михайловичъ, за десять дней бывшій еще здоровымъ и еще слушаая комедію во дворцѣ, съ музыкой. Старшимъ по немъ, изъ дѣтей мужескаго пола, оказывался Федоръ Алексѣевичъ, имѣвшій всего еще 14 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ отъ роду;—безспорно, даровитый юноша, но болѣзненный и слабый силами. Въ нему и перешолъ престолъ по праву, такъ какъ онъ былъ объявленъ уже наслѣдникомъ 1 сентября 1674 года. Сказанія Таннера и Залусскаго, основанныя на слухахъ, пущенныхъ въ народъ, безъ сомнѣнія, врагами Матвѣева, по низверженіи уже этого вельможи, приписываютъ, правда, ему и царицѣ Натальѣ Бирюковнѣ намѣреніе возвести на престолъ, по смерти царя Алексѣя—младенца Петра; но, едвали это основательно? По крайней мѣрѣ, въ челобитныхъ своихъ изъ ссылки, Матвѣевъ нигдѣ не оправдывается отъ обвиненія въ намѣреніи настолько смѣломъ, что, между тѣмъ, должно бы быть имъ не опущено, еслибы существовало обвиненіе въ этомъ. Если же не обвиняли сами враги въ подобномъ намѣреніи Матвѣева, то еще меньше можно допустить что либо подобное относительно второй супруги царя Алексѣя Михайловича, для которой ссылка ея воспитателя была сигналомъ цѣлой бездны ожидаемыхъ огорченій и неприятностей всякаго рода. Оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да, любимецъ царя Федора, дерзкій Языковъ даже имѣли, одно время, намѣреніе совсѣмъ выжить изъ Потѣшнаго дворца младшаго царевича съ его матерью. Это не состоялось, по словамъ анекдота, благодаря раннему присутствію ума въ Петрѣ I, еще дитятѣ. Царевичъ, видя слезы матери и узнавъ причину ихъ, пошелъ со своими дядьками къ царю-брату и съ плачемъ просилъ защиты отъ дерзостей Языкова. Царь, обыкновенно ласкавшій его, расцѣловалъ дитя и послѣдшилъ его увѣрить въ своей любви и покровительствѣ. И, пойдя съ нимъ къ царицѣ-мачихѣ своей, успокоилъ ее и просилъ не печалиться.

Если же бы не эта неожиданная развязка, осилила бы враждебная партія, поддерживаемая нянькою юнаго царя, боярынею Анною Петровною Хитрово, властолюбіе которой при царицѣ-мачихѣ не могло находить достаточнаго простора. Удаленіе Матвѣева было ея дѣло и Хитрово. Оружейничій прежде всего успѣлъ черезъ нее внушить царю, что Матвѣевъ *много наградилъ* въ Сибири и, пользуясь неудовольствіемъ, выказаннымъ государемъ при этомъ донесеніи, присовѣтовалъ удалить ненавистнаго соперника воеводою въ Верхотурье (4 іюля 1676 года). Когда же Матвѣевъ оставилъ столицу, слѣдуя на новое воеводство, лекаръ Берловъ подалъ доносъ, будто бы испытанный другъ Алексѣя Михайловича хотѣлъ отравить его сына-царя, во время болѣзни и, запершись, *призывалъ нечистыхъ духовъ*. Смѣшное показаніе о мнимомъ волшебствѣ подтвердилъ и датскій резидентъ, вслѣдъ за подкупленнымъ дворовымъ челоувѣкомъ Матвѣева. Его настигли въ Ланшевѣ, стали допрашивать *о лечебникѣ, черной книгѣ* и другихъ глупостяхъ, а затѣмъ, вмѣсто Верхотурья, отослали, какъ преступника, *въ ссылку*, въ Пустозерскій острогъ, къ берегамъ Ледовитаго моря. Огорченная такою несправедливостью и унижаемая постоянно высокомѣрными любимцами царя—своего пасынка, царица Наталья

Бяриловна, большею частью стала жить въ селѣ Преображенскомъ, удаляясь отъ дрязговъ. Повѣсть Брекшина о *рожденіи Петра I* заключаетъ, между фантазією этого краснобаи, и вѣрныя черты дѣйствительности, въ родѣ того, что вдова царя Алексѣя «пировъ и забавъ увеселительныхъ никогда не имѣла, царскихъ украшеній, яко ей уже несличныхъ, на ся не возлагаше, но миръ и тишину люблше, — всегда въ постѣ и молитвѣ, и въ слезахъ, провождая жизнь свою». Въ Преображенскомъ, говоритъ Устряловъ, «подъ нѣжнымъ неусыпнымъ надзоромъ матери, развились отроческія силы Петра. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношей». Дѣйствительно, извѣстный голландскій путешественникъ Кемпферъ видѣлъ Петра уже царемъ въ 1683 году, — не многимъ меньше одиннадцати лѣтъ отъ роду, — но подумалъ, что онъ лѣтъ 16-ти.

Геніальный сынъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ матери, на самомъ дѣлѣ, кто бы и что ни говорилъ о любви и почтеніи къ ней царя Федора, при его правленіи, жившей далеко не въ почотѣ. Наивный Голиковъ, правда, находитъ возможнымъ доказывать доброту сердца преемника царя Алексѣя Михайловича, потому только, что будто бы онъ *не убавилъ* штата *прислуги* царицы и *не уменьшилъ* производившагося ей содержанія. Мы же, напротивъ, видя по разряднымъ книгамъ, сколько царемъ Федоромъ набрано въ свои столыники, столыниковъ царицы, — тогда какъ повышенія высшихъ чиновъ ея двора не было, — думаемъ, что и это невѣрно. Самое число столыниковъ непремѣнно уменьшалось, годъ отъ года. Родные царицы также потеряли при ея пасынкѣ видныя должности, занимаемыя ими при отцѣ его. Слѣдовательно, это уже одно, безъ комментарій, представляетъ опалу и гоненіе на все, что ей было дорого и любезно. Не могло же все это дѣлаться безъ цѣли оскорбить ее? Если не зналъ этого, или не понималъ молодой государь, то хорошо знали, что дѣлаютъ, его совѣтники, внушая подобныя распоряженія по двору царицы Натальи. Потому не можемъ не указать на слѣдующія слова *повѣсти о рожденіи Петра Великаго*, что царица Наталья «зла претерпѣла много, имѣнія взимая отъ родителя своего на воспитаніе и содержаніе себѣ и сего блаженнаго отрока государя-царевича». Это, замѣтимъ, похоже вѣдь на правду. Безпристрастному изслѣдователю трудно, въ самомъ дѣлѣ, при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, не видѣть натянутыхъ отношеній между государемъ и его мачихою, благодаря интригамъ и подстрекательствамъ придворной партіи, главами которой, какъ уже сказано выше, были: дядя родной царя, Иванъ Михайловичъ Милославскій и родня Хитрово, съ Языковымъ.

Голиковъ (въ Дѣян. Петра Вел. Т. XIII) идиллически описываетъ братскую любовь царя Федора къ его самому младшему брату, выражаясь, что онъ «о здравіи же и воспитаніи царевича Петра Алексѣевича отеческое прилагалъ попеченіе, навѣщалъ его самъ, а въ случаѣ болѣзней своихъ навѣдывался о немъ безпрестанно, иногда же, повелѣвая приводить его къ себѣ, любовался отличными его дарованіями». Можетъ быть, судя по приведенному уже нами анекдоту, дѣйствительно царь Федоръ любилъ младшаго брата, только позволимъ себѣ усумниться въ безпрестанныхъ освѣдомленіяхъ о немъ, особенно въ первые годы по воцареніи. За неизмѣнимъ положительныхъ фактовъ, въ подтвержденіе словъ Голикова, мы только замѣтимъ, что заботливость государя о братѣ,

одаренномъ необыкновенными способностями, ограничилась, сколько видно, выборомъ ему въ наставники подъячаго Приказа Большого прихода, Никиты Моисѣвича Зотова. Безспорно, мы видимъ въ немъ *дѣльца*, но опять не понимаемъ, что была за крайность посылать его въ Крымъ, для заключенія договора въ Бахчисараѣ и изъ-за чего было отвлекать наставника для этого царственнаго ученика его, 15 августа 1860 года, т. е. на третьемъ году по началу имъ обучать его? При Петрѣ I мы находимъ Зотова—вняземъ папою, свѣдѣнiя котораго ограничивались исправною русскою грамотою, читаньемъ и писаньемъ законами и—только. Не такого, по правдѣ сказать, наставника нужно было для гениальнаго малютки, изъ котораго выросъ величайшiй изъ преобразователей государствъ, когда либо и гдѣ либо бывшихъ. Стало быть, лучше всего будетъ: не слишкомъ распространяться о мнимои *заботливости*, при видѣ явной случайности выбора; который, при другихъ условiяхъ, могъ бы пасть на лицо съ болѣе удовлетворительными качествами, для подобной роли.

Можно, съ вѣроятностью также, предположить, что Зотовъ началъ учить читать Петра I не по букварю словесному, изданному въ Москвѣ въ 1679 году, такъ какъ начало ученiя царевича относится еще къ марту 1677 года. Позволимъ себѣ замѣтить кстати, что Брекшинъ, котораго можно дѣйствительно упрекнуть въ фантастическомъ колоритѣ его повѣствованiя, всегда, между тѣмъ, въ основѣ своего сказанiя *отрѣнь*, и вредитъ себѣ онъ только неумѣстнымъ, напыщеннымъ краспобайствомъ, отнюдь не измышляя отъ себя *вовсе небывшаго*. Переименить иѣсколько и перекрасить по своему, давъ неудачное истолкованiе—его дѣло; но, сказать, чтобы, все имъ приводимое, было небылицы и сказки, нельзя. Поэтому мы не должны пройти молчанiемъ и самаго эпизода началiя обученiя царевича Петра, по нашему мнѣнiю, очень характернаго.

Царь Федоръ, видите ли, на другой годъ по воцаренiи своемъ, посѣтилъ, жившую, какъ извѣстно, въ потѣшномъ дворцѣ, царицу—мачиху свою, придя къ ней съ любимцемъ своимъ, дворецкимъ Федоромъ Прокофьевичемъ Соковнинымъ *). Заговорилъ государь, —вѣроятно, по внушенiю же своихъ приближенныхъ,—что *пора учить грамотъ* царевича Петра. Мать приняла охотно это заявленiе и попросила найдти учителя, котораго взялся представить Соковнинъ; тутъ же назвавъ его прямо по имени. Не ясно ли, что выборъ *сдѣланъ былъ уже*, когда послѣдовало предложенiе? Царицѣ вдовѣ не пришлось, слѣдовательно, выбирать или отказываться отъ выбраннаго.

Далѣе, *повѣсть о рожденiи П. В.* описываетъ, почти въ драматической формѣ, призывъ Н. М. Зотова,—это былъ онъ указанъ Соковнинымъ,—къ царю, давшему новому учителю сперва *написать*, чтобы видѣть его почеркъ, а потомъ «честь книги». Для опробованiя призванъ былъ Симеонъ Полоцкiй, рѣшившiй избранiе будущаго наставника отзывомъ, по испытанiю — «яко право того писанiе и изряденъ глаголъ чтенiя». Больше, стало быть, ничего и не требовалось знать ему. Голиковъ, рассказъ о выборѣ учителя, взялъ у Брек-

*) Старшимъ братомъ упорной раскольницы боярыни Федосьи Прокофьевны Морозовой и окольногого Алексѣя Прокофьевича Соковнина, составившаго съ Цицлеромъ заговоръ на жизнь Петра, въ февралѣ 1697 года.

шина, въ *повѣсти* котораго (Туманскаго Соб. Зап. Т. I, стр. 255) интересны и самыя подробности начатія ученія, потому что характеръ ихъ, вполнѣ національный и оригинальный, высказывается вездѣ, даже въ мелочахъ. Изъ *повѣсти* Брекшина, напр., узнаемъ мы, что Соковининъ, послѣ представленія учителя царю, повелъ его, по приказу государя, къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, назначившей слѣдующій же день для начатія классовъ. Утромъ въ этотъ день (12 марта) пришолъ въ помѣщеніе вдовствующей царицы опять царь и за нимъ патріархъ.

«И святѣйшій патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручи Зотову. Онъ же, принявъ государя-царевича и, посемъ, посади на мѣсто и сотвори земное поклоненіе,—началъ ученіе». При этомъ патріархъ пожаловалъ Зотову 100 рублей, царь Федоръ награждалъ избраннаго наставника домомъ, а царица подарила ему «двѣ пары платья богатаго и уборъ весь». Такія черты, по нашему мнѣнію, сочинить нельзя и Брекшинъ могъ узнать ихъ отъ живыхъ дворцовыхъ прислужниковъ, если не отъ сыновей самого Зотова. Приводя дажѣ, изъ того же источника, самый будто бы *порядокъ* и методъ ученія пятилѣтняго царевича, «Зотовъ», говоритъ уже по крайнему разумѣнію авторъ дѣяній, «хотя и не зналъ наукъ и языковъ, но былъ искусенъ въ российскомъ и довольно свѣдущъ въ исторіи, а паче отечественной, и при хорошемъ сердцѣ имѣлъ великое усердіе и неутомимую прилежность въ обученіи царевича. Онъ по утрамъ обучалъ его грамотѣ и изъяснялъ первыя начала закона, послѣ обѣда рассказывалъ ему дѣла прославившихся российскихъ государей». У Брекшина находимъ мы, что къ рассказамъ устнымъ Зотовъ прибѣгалъ, когда замѣчалъ въ дитяти-царевичѣ утомленіе отъ сидѣнья за книгою. Тогда наставникъ водилъ его по разнымъ комнатамъ, расписаннымъ всякаго рода изображеніями, и все написанное здѣсь на стѣнахъ въ разговорѣ объяснялъ ему. При этомъ наставникъ находилъ возможность развивать любознательность геніальнаго ребенка, обращая вниманіе его на «военныя дѣла, дальныя нужды (тягостныя) походы, бои, взятіе городовъ; и коликую претерпѣвали нужду и тягость больше простаго народа (правители народа—предки царевича) и тѣмъ коликія благополучія государству приобрѣли—государство российское распространили». Чтобы имѣть случай, незамѣтно для ученика своего, въ обыкновенныхъ разговорахъ съ нимъ, передавать ему великія истины, безъ которыхъ «державнымъ монархамъ невозможно быть», Зотовъ, по словамъ Брекшина, заранѣе подготовилъ свой образной—наглядный курсъ. Выпросивъ у царицы Натальи Кириловны всѣ книги съ гравюрами и рисунками русскихъ городовъ, онъ потребовалъ, чтобы комнаты царевича *обклеены были ими, или росписаны нарочно*. Будто бы даже, «приказалъ чистымъ мастерствомъ и драгими красками грады и палаты, зданія, и дѣла военныя, и великіе корабли и исторіи лицевыя, съ подписями—самымъ лучшимъ мастерствомъ писать». Зная пристрастіе Петра I къ иконографическимъ затѣямъ всякаго рода, съ приличнымъ изъясненіемъ аллегорій и уподобленій,—нельзя не признать возможнымъ, приведеннаго нами, указанія повѣсти Брекшина о методѣ ознакомленія въ дѣтствѣ будущаго преобразователя съ исторіею міра, посредствомъ изображеній. При этомъ, однако, не умаляя тѣмъ ни разумности, ни находчивости остроумнаго Зотова въ этомъ от-

ношеніи, должны мы замѣтить только, что указанный Брекшинымъ способъ украшенія стѣнъ—какъ бы въ первый разъ придуманный для Петра,—былъ въ ходу еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; гораздо ранѣе уже заставлявшемъ стѣны своихъ палатъ росписывать притчами и исторіями. Эстампы, гравированные на мѣди и деревѣ, извѣстны были подъ именемъ *потѣшныхъ нѣмецкихъ печатныхъ листовъ*. Такими фряжскими (т. е. итальянскими), да нѣмецкими листами торговали въ Москвѣ, въ овощномъ ряду. Покупали ихъ много и во дворецъ, «для дѣтей государевыхъ, съ игрушками. Малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, говоритъ Забѣлинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и пр. Въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича висѣло «пятьдесятъ листовъ съ листами фряжскими». Въ хоромы царевича Петра Алексѣевича въ 1682 году взято *сто листовъ фряжскихъ*, прибывавшихся къ стѣнамъ лужонными гвоздиками, по деревянному дорожнику, служившему рамками».

Нельзя, сверхъ того, при разсужденіи о методѣ ученія, терять изъ вида и еще одного, общеупотребительнаго тогда, учебнаго руководства, дававшася въ руки ученику, наученному читать только. Вѣдь Петръ I, по словамъ Брекшина, ограниченный объемъ свѣдѣній наставника скоро проглотилъ, не утоливъ своей, хотя дѣтской, но не по лѣтамъ сильной, жажды къ знанію. Царевичъ, говоритъ авторъ *новости*, «по немногомъ ученіи и трудахъ вся совершилъ обучи и книжное ученіе, толико—въ твердости, что все евангеліе и апостолъ наизусть прочиталъ». Затѣмъ, неминуемо, если еще не ранѣе, долженъ былъ попасть въ руки Петра-дитяти *азбуковникъ*. Въ XVII вѣкѣ, на Руси, азбуковники рукописные замѣняли книги для чтенія, служа вмѣстѣ съ тѣмъ и въ родѣ хрестоматіи. Вѣроятно же всего, что Зотовъ, научивъ своего ученика читать рукописное, послѣдовалъ этой же методѣ; если только, въ три года, могъ онъ съ ученикомъ своимъ дойти и такъ далеко?

Извѣстно, что были во младенчествѣ у Петра сверстники, съ нимъ учившіеся. Въ его *потѣшныхъ* были не одни набранные солдаты, но и *товарищи* игръ юнаго царя съ младенчества. Такими сверстниками называетъ Устряловъ Григорья Лукина и Екима Воронина, убитыхъ въ азовскомъ походѣ.

Въ товариществѣ этихъ, да, можетъ быть, и многихъ еще другихъ, сверстниковъ, обычнымъ образомъ шло начальное ученіе юнаго Петра, за чтеніемъ *поверхимъ*, начавшееся (съ Зотовымъ или и безъ него уже) *часословомъ* и *псалтирю*. Если мы допустимъ ученіе по *азбуковнику*, то должно допустить, безъ сомнѣнія, преподаваніе какой нибудь грамматики. Она встрѣчается въ азбуковникахъ, также какъ и ариметика «рекши російскимъ языкомъ числительница»—пятое изъ *свободныхъ художествъ*. Руководства для изученія цифири были еще при Грозномъ. Правда, *азбуковники* заключаютъ еще геометрію и астрономію, но изъ нихъ мы, если не объ, то хотя одну, послѣднюю, въ составъ первоначальнаго образованія царевича Петра Великаго включать никакъ не рѣшаемся, хотя его любознательность могла требовать большаго знанія и не удовлетворяться всею программю энциклопедіи свѣдѣній, доступныхъ тогда въ Москвѣ. Въ программу же входили: географія или космографія, съ исторіею въ видѣ лѣтописнаго перечня царей и главнѣйшихъ эпохъ

міроваго бытописанія, — составлявшаго верхъ учености. Не могъ не узнать любознательный царь-отрокъ, что еще его родитель, при помощи Матвѣева, *состроилъ* (въ годъ его рожденія) книгу «о началѣ россійскихъ государей и ихъ титулѣ въ сношеніяхъ съ великими государями христіанскими» и проч. или, могъ ли онъ не увѣдать, что, по повелѣнію того же монарха, составилъ Лаврентій Херуличъ «Родословіе и геральдику россійскихъ государей», повелѣвъ перевести «хрисмологіонъ» (родъ всеобщей исторіи съ пророчествами) и «хронографъ»? Была вѣдь сочинена для Алексѣя же Михайловича, дьякомъ Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ, и *русская исторія*, взятая по написаніи тотчасъ къ государю *вверхъ*. И описанія иностранныхъ земель уже были. Напр. въ 1677 году написано полуустановомъ «описаніе китайскаго государства» (на 333 лист.). Въ изборникахъ встрѣчаются описанія Америки *) и «описаніе отъ космографіи, трехъ частей земли». Стрыйковскій, Бѣльскій, «великая и предивная наука» Раймунда Люлліа, да Бароніевы «дѣянія церковныя» (1678 г.) составляли не рѣдкость въ собраніяхъ книгъ любознательныхъ людей того времени, когда выросталъ Петръ Великій. Ему не могли они не попасться, а попавшись — не быть прочитанными?..

Знаемъ мы также, что у Петра I былъ и голландскій атласъ картъ всего свѣта **). Универсальность знаній, выказываемая впоследствии Петромъ I въ возрастѣ мужества, по нашему мнѣнію, была прямымъ слѣдствіемъ его любви къ чтенію, и этимъ путемъ великій монархъ успѣлъ пополнить послѣдовательно, какъ намъ кажется, недостаточность начальной научной подготовки; а ничѣмъ другимъ. Путешествія и практическое знакомство съ дѣломъ, при сильно развитомъ любопытствѣ и природномъ остроуміи, конечно, быстрѣе вычитаннаго изъ книгъ, приводили къ счастливымъ результатамъ; но чтеніе всего, что попадалось, имѣло и должно было имѣть свое мѣсто, и одно изъ главныхъ даже, въ дѣлѣ многосторонняго развитія ума Петра I.

Въ пятистахъ томахъ одной патріаршей библіотеки находились всѣ отрасли литературы; но мы имѣемъ право заключать, что книгохранилище самаго царя было не бѣдиѣ патріаршей библіотеки и также состояло, какъ у первосвятителя, изъ рукописныхъ переводовъ съ иностранныхъ на отечественный языкъ. Поэтому, вопросъ о возможности саморазвитія для Петра разрѣшится самъ собою и мы можемъ, безъ натяжекъ, заключить — чѣмъ обязанъ Петръ себѣ и книгамъ, въ дѣлѣ научнаго образованія.

Насъ, можетъ быть, стануть осуждать за постановку настолько прямо настоящаго вопроса, который историками и изслѣдователями жизни Петра I обыкновенно обходился? Но, мы лучше желаемъ подвергнуться обвиненію въ произвольности выводовъ, чѣмъ оставлять читателей безъ всякаго указанія на возможность самообразованія Петра, при небреженіи, или, лучше сказать, видимой недостаточности научнаго подготовленія его въ дѣтскомъ возрастѣ, для роли, которая ожидала Великаго — какъ сына государя и наслѣдника престола отеческаго.

*) «Объ островахъ дикихъ людей, коимъ нѣмецкіе люди называютъ Новый Свѣтъ или четвертая часть вселенныя».

***) Хранящійся теперъ въ морской библіотекѣ.

Наслѣдованіе же престола наступило для него неожиданно, въ такіа еще ранніа лѣта, когда будущій преобразователь едва получилъ навыкъ читать, не только приобрѣлъ свѣдѣнія, сколько либо пригодныя для управленія обширною державою.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ мы уже сказали, болѣзненный отъ природы и слабый, на двадцатомъ году жизни, однако, женился на Агафѣѣ Семеновнѣ Грушецкой, по собственному выбору. Выборъ этотъ, по всей вѣроятности не случайный, оправдывался нѣжными чувствами супруги и привязанностью къ ней юнаго государя. Внезапная смерть жены, всего черезъ годъ, погрузила его въ тяжкое горе. Силы этаго слабаго организма не выдержали. День ото дня болѣе слабѣя, больной царь, ожидая, можетъ быть, облегченія въ ласкахъ подруги, по совѣту своихъ приближенныхъ, вступилъ во второй бракъ съ шестнадцатилѣтнею дочерью Матвѣя Васильевича Апраксина—Марею Матвѣевною. Но уже было поздно ожидать его поправленія здоровья и восстановления силъ. Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ, 27-го апрѣля 1682 года, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался.

Крекшинъ, въ *повѣсти о зачатіи и рожденіи Петра В.*, говоритъ, что, по смерти царя, патріархъ, —принимая во вниманіе болѣзненность и неспособность Іоанна Алексѣевича, хотя имѣвшаго и 16 лѣтъ отъ роду,—не затруднился подать голосъ за избраніе въ цари младшаго его брата Петра, по тому уваженію, что онъ хотя былъ и 10-ти лѣтъ, «обаче добротою и возрастомъ и остротою ума одаренъ отъ Бога». Это сдѣлалось въ самый день кончины его царственнаго брата. Въ посольскомъ и разрядномъ архивѣ найдены два даже документа объ избраніи Петра I. Въ первомъ говорится, что предложенъ былъ престолъ обоимъ, но Іоаннъ отказался. А по второму, объ отказѣ Іоанна нѣтъ ни слова, но избраніе Петра послѣдовало отъ представителей сословія, собранныхъ передъ дворцомъ. Между тѣмъ, какъ только наречонъ царемъ Петръ, начинаетъ выказывать оппозицію царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, —единственное лицо во всей исторіи нашей, являющееся, наперекоръ исконнымъ порядкамъ, изъ недоступнаго дѣвичьяго царскаго терема, управлять государствомъ; что всегда считалось удѣломъ не слабаго женскаго пола.

Сперва призываетъ она патріарха и членовъ думы боярской и проситъ не лишать престола Іоанна, предпочитая ему младшаго брата. Ей отвѣчаютъ, что уже дѣло сдѣлано: Петръ избранъ и свергать его съ престола нельзя. Она возражаетъ съ угрозою, что за такую несправедливость могутъ возникнуть мятежи и кровопролитіе. Но и это не помогаетъ. Тогда, какъ бы уступая общему рѣшенію, идетъ поздравлять она младшаго брата—избранника, но, затѣвъ злобу, подготавливаетъ, при посредствѣ Милославскаго, стрѣлецкій бунтъ.

И. Е. Забѣлинъ, въ книгѣ своей «Бытъ русскихъ царицъ», очень остроумно замѣчаетъ, что, при подражаніи въ царскомъ обиходѣ византійскимъ порядкамъ, роль принцессы Пульхеріи—опекуни брата (императора восточнаго Ѳеодосія II)—могла очень естественно придти въ голову царевнѣ Московской, особенно честолюбивой и умной на столцо, какъ третья дочь Алексѣя Михайловича, въ эпоху смерти царя Ѳеодора имѣвшая двадцать четыре года и одаренная сильнымъ характеромъ и рѣшительно мужской энергіею. Если же легко могла зародиться мысль въ ней о роли, сколько-нибудь напоминавшей Пуль-

херию, за то приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ во дворцѣ Московскомъ оказывалось гораздо труднѣе, чѣмъ въ Цареградѣ.

Самымъ важнымъ затрудненіемъ былъ выходъ изъ терема и явленіе въ публику. Для этого пущено было ею въ ходъ сперва горячее сестрино участіе къ больному самодержцу-брату. Этотъ маневръ удался: царица Софья Алексѣевна явилась у постели царя Федора—подавать ему лекарство; не отлучаясь отъ него на шагъ. Но и здѣсь обманула расчоты хитрой царицы быстрота хода болѣзни. Федоръ Алексѣевичъ лежалъ въ постели всего дней девять, не болѣе. Въ такой короткій срокъ ничего нельзя было выполнить, кромѣ, развѣ, показанія себя ближнимъ людямъ, окружавшимъ постель болящаго государя. Для нея и этого было на первый разъ достаточно. Остальное взяла она отвагой и неожиданностью.

Когда уже умеръ братъ-государь, роль хожатой попечительницы, конечно, кончилась. На погребеніе его обычай запрещалъ выходить царевнамъ; даже, дочерямъ, хоронившимъ отца, не только сестрамъ брата. Послѣ царя и наследника, было мѣсто здѣсь одной вдовствующей царицѣ. На погребеніи царя Федора могли, слѣдовательно, быть: вдова — царица Марѳа Матвѣевна, царь Петръ Алексѣевичъ и, по малолѣтству его — мать его. Но, вотъ, только вынесли въ сѣни, столѣнки, вдову умершаго, а за нею послѣдовалъ дитя — царь Петръ, какъ, рядомъ съ нимъ, пошла съ краснаго крыльца и царица Софья Алексѣевна, важно, смѣло и торжественно; озадачивъ всѣхъ такимъ *нарушеніемъ чина* царскаго дворца. Царица Наталья Кириловна не могла не замѣтить такого явнаго посягательства на ея права со стороны падчерицы. Потому, какъ только «гробъ поставили на уготованное мѣсто среди храма», говоритъ современная записка, «Царь съ матерью, поцѣловавъ мощи, изволилъ *идти къ себѣ*, и у обѣдни на «отпѣванъ» не былъ». Оставались при этомъ только царица Марѳа и царица Софья. Получивъ, такимъ образомъ, отпоръ незаконному посягательству на публичность, царица внушила теткамъ — еще жившимъ съ нею въ теремъ, — Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ, сдѣлать замѣчаніе мачихѣ, что *брату* такъ дѣлать *негодится и неприлично*. Сама же, даже можетъ быть, радуясь, отсутствію царя и мачихи царицы, послѣ отпѣванья, — вѣрная своему плану, Царица Софья заголосила и начала причитать передъ народомъ, будто отъ сильнаго горя: «Извели покойнаго брата злые люди. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни заступника. Брата Ивана на царство не выбрали! Умиосердитесь надъ нами, сиротами. Если въ чомъ провинились мы передъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!»

Эти слова не прошли даромъ. Они были такою же подготовительною мѣрою для возбужденія разжигаемыхъ страстей народа и натравленія ихъ противъ мальчугана-царя, да его матери, какъ и рассказъ, пущенный тайкомъ, — черезъ кого, трудно было дознаться, потому что его всѣ пересказывали другъ другу, — будто Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ (только что возвращенный изъ опальной ссылки), примѣрялъ на себя порфиру и корону, садясь на тронъ и говоря, что всѣ эти украшения *пристанутъ къ нему лучше всѣхъ*. Будто эту продѣлку его видѣла царица Софья Алексѣевна и, преданная ей во всемъ, невѣстка, вдова царица Марѳа Матвѣевна. Что, какъ стали онѣ выговаривать